

5. Кароткая граматыка беларускай мовы : у 2 ч. / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – Ч. 1 : Фаналогія. Марфаналогія. Марфалогія. – С. 236–238, 239–242.
6. Культура маўлення : вучэб.-метад. комплекс : у 2 ч. / Брэсц. дзярж. ун-т ; склад.: Т. А. Кісель, С. С. Клундук, Н. Р. Якубук. – Брэст : БрДУ, 2013. – Ч. 1. – С. 39–40.
7. Лепешаў, І. Я. Практыкум па беларускай мове : вучэб. дапам. / І. Я. Лепешаў, Г. М. Малажай, К. М. Панюціч. – Мінск : Універсітэцкае, 2001. – С. 121, 129–131.
8. Малажай, Г. М. Беларуская мова. Матэрыялы да экзамену : дапам. для агул.-адукац. шк., гімназій, ліцэяў / Г. М. Малажай. – Мінск : Аверсэв, 2001. – С. 146–149.
9. Самуйлік Я. Р. Асаблівасці ўжывання дзеепрыметнікаў у беларускай мове / Я. Р. Самуйлік // Коммуникативное пространство и информационное поле в языке и речевой деятельности : сб. материалов Респ. науч.-практ. конф., Брест, 25 марта 2021 г. / Брест. гос. ун-т ; науч. ред. Г. М. Концевая. – Брест : БрГУ, 2021. – С. 102–103.
10. Семянькевіч, А. В. Беларуская мова: правілы арфаграфіі, граматыкі і пунктуацыі / А. В. Семянькевіч. – Мінск : Харвест, 2006. – С. 74–77.
11. Сіўковіч, В. М. Беларуская мова ў пытаннях і адказах / В. М. Сіўковіч. – Мінск : Аверсэв, 2011. – С. 206, 207–208, 217–220, 222–223.
12. Сучасная беларуская літаратурная мова : вучэб. дапам. / Д. В. Дзятко [і інш.] ; пад рэд. Д. В. Дзятко. – Мінск : Выш. шк., 2017. – С. 238–239, 241, 243–245.
13. Сучасная беларуская мова : вучэб. дапам. / Л. М. Грыгор’ева [і інш.] ; пад агул. рэд. Л. М. Грыгор’евай. – Мінск : Выш. шк., 2006. – С. 235–237, 240–244.
14. Сцяцко, П. У. Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў / П. У. Сцяцко, М. Ф. Гуліцкі, Л. А. Антанюк. – Мінск : Выш. шк., 1990. – С. 107, 173.
15. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / І. М. Бунчук [і інш.] ; пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 3-е выд. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2002. – С. 331, 626.

## **В. И. СЕНКЕВИЧ**

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

### **НЕДИСКУРСИВНОЕ ПОЗНАНИЕ**

Феноменология ставит своей основной задачей описание опыта познающего сознания. В отличие от дискурсивной практики, опыт – это серия жизненных ситуаций, которые благополучно разрешаются в чью-либо пользу. В «опытах быстротекущей жизни» (А. С. Пушкин) человек не является носителем информации, т. е. культуры. Он – цивилизованный пользователь, который пользуется доверием и авторитетом у других и которому, по сути, доступны все блага жизни.

Основной опыт человека есть опыт познания. Как ни парадоксально звучит, однако этот опыт не имеет никакого отношения к знанию. По отношению к знанию человек является потребителем, т. е. хочет что-то знать. Однако желание и потребность знать – принципиально не то, что жажда познания и нужда в нем. Желание удовлетворяется в практической

деятельности, жажда утоляется. Жажде познания сопутствует жажда власти (обладания). Знания имеют, а познаниями в какой-то области обладают. Знания существуют в логической форме понятий, суждений и умозаключений. Однако познание не тождественно пониманию, как и размышление – рассуждению. Предложение «*Я понял*» свидетельствует о том, что «вопрос закрыт». Познание же не имеет начала и конца. Познать другого человека до конца невозможно. Наши близкие всегда есть для нас «открытый вопрос».

Знание заведомо таит в себе некоторое высокомерие, когда речь идет о знании человека («*Знаю я тебя*»). Человека познают. Сущность его неисчерпаема, выявление ее континуально – ситуативно неуловимо. Если «*Я сегодня не такой, как вчера...*» (песен.), то каждый раз возникает необходимость знакомиться со мной «сегодняшним». «Стремление типизировать поведение человека и тем самым его понять, – пишет Ева Анчел, – представляет собой не что иное, как цивилизованную жестокость, грубость, и в своей утонченности оно по-новому жестоко» [1, с. 65].

Желание знать, каким бы страстным оно ни было, удаляет человека от реальности. «Мы не можем сделать объектом нашего понимания, не можем заставить существовать предмет, если не превратим его в образ, в концепцию, в идею, иными словами, если он не перестанет быть тем, что он есть, и не превратится в тень, в схему самого себя» [2, с. 101]. Желание знать лишает человека роскоши думать. Это похоже на парадокс. Путь к мышлению лежит через незнание. Относительно того, что мы знаем, мы нуждаемся, чтобы не знать это. Поскольку чем больше мы знаем, тем меньше мы думаем. Чем меньше мы знаем, тем больше мы задумываемся. Со времен Сократа известно, что мудреца делает философом то, что он знает, что ничего не знает.

Вопрос «что делать?» к глаголу *думать* является грамматически правильным. Однако думающий ничего не делает, но находится в состоянии размышления (раздумывания), он в состоянии или не в состоянии думать. Мышление – интенциональное состояние сознания. Это не процесс, который происходит результирующе, а ход осуществления (реализации) мысли. В этом состоянии человек наедине с собой: *думает себе, сам себе подумал* и др. Мышление есть первичное агрегатное состояние еще не воплощенного, т. е. не овеществленного логоса. Аналогия мысли – пар (ср.: *воспарить мыслью*; *Не парься* – не думай). Неовещественная мысль недоступна другому человеку. Как известно, «чужая душа (сознание) – потемки».

Воплощенное состояние мысли обнаруживается в звучащем (живом) слове в ходе общения. Мысль обретает плоть – воплощается в звуке, озвучивается. Воплотить – значит овеществить то, что вещью не является, – мысль.

Обретая вещественный статус, мысль становится доступной другим. Аналогия данному состоянию – обладающая плотностью жидкость. Звуки «льются», слова – струящийся поток: *Слова лились потоком, который остановить было нельзя.* (А. Редько «Он и она»).

Глагол *говорить* не связан с речевой деятельностью. Говорение не деятельность, а ситуативно длящееся поведенческое состояние человека. Кто-то в состоянии или не в состоянии говорить. Говорить – значит мыслить вслух. В озвученном состоянии логос (мысль) присутствует только в общении. Нередко общение путают с коммуникацией. Однако *говорить* не значит *разговаривать*. Общение – это переговоры (негоциации). Беседующие (говорящие) не участники разговора и не партнеры по коммуникации. Они – напарники. Модель общения – танец, где есть пара (ведущий и ведомый). Коммуникация – деятельность по глаголу *сказать*. Эта деятельность ассоциируется с глаголом *знать* – с груженной вагонеткой, которую гоняют вперед-назад. Отсюда *Что ты гонишь? Что-то я не догоняю...* (простореч.).

Говорят слова, а произносят речи. Речь по определению – связная (*развитие связной речи*). Ее части соединены между собой тематически, по смыслу, структуре: *Сказал как связал* (поговорка). Произносящий речь вяжет и связывает. Разговор можно «завязать»: – *А куда мы едем?* – *решила завязать разговор девушка* (Н. Василевская «Осенние поиски»). Разговор – жанр устной речи, отличающийся специфическим «разговорным» стилем.

Говорящий не «вяжет», а «плетет». Аналогия говорению – занятие по глаголу *плести*. Кто-то говорит; язык у кого-то «заплетается»; «плетение словес» – известная манера говорения. В говорении слово не соединяется с другим словом, а сближается с ним вплотную – «сплачивается». Одно слово вызывает другое, поступательно цепляясь за него и творя непрерывную цепочку (ср.: слово за слово). Зацепка – повод в вербальном поведении, каковым и выступает говорение. Как и мыслью, человек поступает словом. Как и в поведении, в беседе различается ведомый (ответчик) и ведущий – зачинщик (инициатор). Общение – инициация (испытание). Для говорящего испытанием становится само присутствие инстанции адресата.

В общении обнаруживается «несказанное» – допредикативный опыт говорящих (*Несказанное, синее нежное* (С. Есенин)). Негианты не играют ролей и не надевают «маски» (личины), однако у каждого есть свой известный другим статус (состояние). Он осознается в ранговых параметрах «верх-низ», «над-под» (ср.: «кто под кем ходит» – жарг.). Статус – не главенство, а верховенство (*взять над кем верх*). Отношения подчинения в общении, как и в поведении, уступают место послушанию.

«Разговаривать на белорусском языке» не значит говорить по-белорусски. Беседа (бел. *гутарка*) не предусматривает определенной формы (жанра). Для нее характерен формат: *говорить наедине* («с глазу на глаз»), *говорить публично* и др. В живом слове обнаруживается аутентичность (неподражаемость) говорящих. Звук не существует сам по себе – без человеческого уха. Не только белорусы говорят «по-белорусски». В Беларуси по-белорусски поют соловьи, кудахтают куры, гогочут гуси и т. д. А вот для поляка куры «гдакаюць» (*gdakać*), гуси «гэгаюць» (*gęgać*) и т. д. Ареол восприятия звукового облика слова не одинаков у разных народов. «Рускі волк – рывок, імкненне наперад, якое заканчваецца клацаннем зубоў, украінскі вовк сыты і апрануты ў цёплы кажухок, польскі *wilk* рэжа свінню, а беларускі *воўк* вые» [3, с. 151].

Разговор как жанр речи предполагает актуальную тему: *Разговор на эту тему портит нервную систему...* (песен.); *Завязать разговор на нужную ему тему* (В. Топилин «Тайна озера Кучум»). Для беседы (бел. *гутарка, гаворка*) нужна мотивация – какой-либо импульс, позыв: *Что у кого болит, тот о том и говорит* (поговорка.). Как и всякое поведение, слово мотивировано характером говорящего. Для мотива беседы подходит, например, прецедентная строчка «*Я другой такой страны не знаю...*» (беседа со студентами на патриотическую тему).

Сказанное рассчитано на кодирование (запоминание): – *Значит так, запомни, что я тебе сказал: никогда никаких дел у нас с тобой не будет* (В. Мосова «Йошка: перезагрузка. Чисть или нечисть?»). Когда говорят, то думают, чтобы что-то не забыть, оговорить конкретику, ср.: *Я тебя запомнил* (вопрос закрыт), однако: *Никогда тебя не забуду – твоих слов, твоих глаз* и т. д. Только в говорении возникает перспектива творчества – словесного рисования. Можно «обрисовать» ситуацию. Как во всяком творчестве, в говорении не обходится без интуиции – недискурсивного (интуитивного) угадывания. Ищется аналогия тому, о чем говорится: – *А я говорю, весна говорю... Она говорит – похоже...* (песен.).

Опыт познающего сознания антикоммуникативный. В силу своей феноменальной неделимости познавательный опыт не передается, а переимается. Кроме способности рассуждать, человек обладает уникальным даром подражания. Мы импульсивно подражаем тому, что оказывает на нас влияние. С него не берут пример и ему не следуют, однако принимают за образец. Принцип подражания (мимесис) – ведущий принцип искусства. Перенимание в языке – это цитация и аналогия. Вопрос «На что похоже?» задают себе поэты: *Руки милой – пара лебедей...* (С. Есенин). Исходя из феноменологии восприятия, языкознание ориентируется не на метафору как средство художественного дискурса, а на аналогию – инструмент недискурсивного познания.

Опыт недискурсивного познания есть опыт знакомства, ср.: рус. *Приятно с вами познакомиться* – пол.: *Miło mnie poznać Pana (Pani)*. Опыт познания не тождественен дискурсивной практике – анализу. Чтобы исполнить завет древних *Nosce te ipsum* («Познай самого себя»), нет нужды сдавать анализы. Говорящий не передает информацию, не сообщает, а знакомит присутствующих с чем-либо, посвящает в сущность его. Непосвященные (неознакомленные) – профаны.

Опыт познания присутствует в чтении. С текстом знакомятся. Текст – третье (фиксированное) состояние логоса. Оно словно лед, по которому скользит наш взгляд и которое «растопливается» им, становясь доступным. Феноменальность текста, как и устного слова, бесспорна. Текст всегда «для кого». Как не имеет смысла живое слово без слушателя, так и бессмыслен текст без читателя. Феноменологический вектор «для кого» кардинально меняет все, создавая виртуальный (мысленный) и реальный (овеществленный) мир глазами человека. Читая текст, мы знакомимся с миром не самим по себе, а с миром, преломленным через призму восприятия автора. Посмотреть на мир глазами другого человека – рефлексивный дар, которым обладает только человек, отличаясь этим от животного. Автором в Древнем Риме называли полководца, который завоевывал для империи территории, расширяя ее пределы. Так и автор расширяет пределы познания читателей. По сути, текст – это не то, что мы читаем, а то, чем читаем, т. е. инструмент искусства, расширяющий пределы нашего познания.

Чтение нельзя признать деятельностью (практикой). Это опытное состояние человека. Читатель ничего не делает. Он занят чтением, т. е. находится в состоянии занятости. Всматривается, вдумывается в слова – и для него становится доступным вложенный автором в текст смысл. Самой сущностью сознания является «вкладывание» смысла. Не только автор вкладывает свой смысл в текст, но и читатель, становясь соавтором. Сущность всего познается только в симбиозе (тандеме) – совместном интенциональном опыте автора и читателя. Глаголы *читать* и *писать*, по сути, являются непереходными (или квазипереходными). Текст не предмет, не явление, а вещь, которая сама вещает (говорит) что-то для читателя. Непризнание феноменологического статуса текста приводит к заблуждениям. Самое распространенное – считать, что текст содержит сообщение, т. е. является коммуникативной единицей.

Недискурсивное познание словом создает подлинный язык. М. Хайдеггер называет его «языком сущности». Можно понимать язык в версии Ф. де Соссюра, а можно – в версии академика И. Павлова. Ср.: – *Давайте споем?* – побуждение, стимул что-л. сделать. – *А давайте!* Почему бы и нет? – согласие. Однако: – *А не спеть ли нам песню? А не выпить ли нам чайку?* – апелляция, импульс к другому. – *А что нам мешает! Мы не против!* – отсутствие возражения.

В языке сущности понятие правильности уступает место достоверности – правде. Правда не открывается, как истина, а творится. Чтобы убедиться в чем-нибудь, обращаются за подтверждением. Например, *стол – это существительное. Правильно? Ты меня любишь? Да?* Однако в другом случае апеллируют (взывают) к другому: *Жизнь – не игра. Правда, Машиа?* Быть убежденным в чем-нибудь и признавать что-либо не одно и то же. Признание – сфера этической уверенности, а не область риторической убежденности.

Таким образом, недискурсивность – путь творческого познания мира. Феноменология «выносит за скобки» существующий («данный») мир и поворачивается к творческому опыту постигающего сущность вещей сознания. Это поворот к творческому началу языка и его основному инструменту – звучащему устно или зафиксированному письменно слову. Творчество начинается с ответа на вопрос «Что для меня?». Ответ на него осуществляется в агрегатном состоянии мышления по глаголам *думать, говорить, писать*, которые не реальны без другого – реципиента. Диалогичности дискурса противопоставляется дуальность недискурсивного логоса (слова).

#### Список использованной литературы

1. Анчел, Е. Этнос и история : пер. с венг. / Е. Анчел ; предисл. М. А. Хевеши. – М. : Мысль, 1988. – 128 с.
2. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры / Хосе Ортега-и-Гассет ; вступ. ст. Г. М. Фридендера. – М. : Искусство, 1991. – 586 с.
3. Разанаў А. Нататкі на дубовых лістах / А. Разанаў // Вобраз-83 : літ.-крыт. арт. – Мінск : Маст. літ., 1983. – С. 151–163.

**В. М. СМАЛЬ, А. С. ЧУЛКОВА**

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

#### **ФАРМІРАВАННЕ МАЎЛЕНЧАЙ АКТЫЎНАСЦІ ДЗЯЦЕЙ МАЛОДШАГА ДАШКОЛЬНАГА ЎЗРОСТУ З АГУЛЬНЫМ НЕДАРАЗВІЦЦЁМ МАЎЛЕННЯ**

Агульным недаразвіццём маўлення з'яўляецца форма маўленчай анамаліі, пры якой у дзяцей з нармальным інтэлектам і слыхам парушана фарміраванне ўсіх кампанентаў маўленчай сістэмы (граматычны лад, гукавы і сэнсавы бок) [1]. Калі параўнаць працэс засваення роднай мовы дзяцей з нармальным развіццём і дзяцей з маўленчымі хібамаі, то можна заўважыць пэўнае падабенства. Пры любой форме паталогіі маўленне праходзіць праз абавязковыя этапы: авалодванне прасодыкай, гукаперайманне